

Улика

*пылких женщин
и горячих мужчин*

ТЁМНЫЕ СПРАСКИ

SALAMANDRA P.V.V.

УЛИКА

пылких женщин и горячих мужчин

Книжка, составленная из многолетних опытов
и наблюдений одной старушкой,
с присовокуплением анекдотов
о мужчинах
и женщинах

Salamandra P.V.V.

Улика пылких женщин и горячих мужчин: Книжка, составленная из многолетних опытов и наблюдений одною старушкою, с присовокуплением анекдотов о мужчинах и женщинах. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 45 с. — (Темные страсти).

В очередной книге серии «Темные страсти» — переиздание курьезной анонимной книжки «Улика пылких женщин и горячих мужчин», впервые вышедшей в 1860 г. Вскоре «Улика» обрела двусмысленную известность и в XX в. стала библиографической редкостью. Сегодня книжка не значится в каталогах крупнейших библиотек.

**УЛИКА
ПЫЛКИХ ЖЕНЩИН
И ГОРЯЧИХ МУЖЧИН**

УЛИКА

ПЫЛКИХЪ ЖЕНЩИНЪ

И

ГОРЯЧИХЪ МУЖЧИНЪ.

КНИЖКА, СОСТАВЛЕННАЯ ИЗЪ МНОГОЛѢТНИХЪ ОПЫ-
ТОВЪ И НАБЛЮДЕНІЙ ОДНОЮ СТАРУШКОЮ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ АНЕКДОТОВЪ О МУЖЧИ-
НАХЪ И ЖЕНЩИНАХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Милые читатели и читательницы!

Не погневайтесь, что вам предлагает советы старуха*; у нея были, в ея время, такие же кипучия страсти, как и у вас, и это-то дает ей неоспоримое право говорить о действии страстей, на основании собственной опытности. Проживя на свете 65 лет и будучи окружена кучею внуков и внучек, я, в продолжение долгой моей жизни, непрерывно замечала и замечаю, что между людьми, жившими за пятьдесят лет пред сим, и нынешним поколением нет существенной разницы в отношении к тому влиянию, какое имеет один пол на другой: любовь, обольщения, любовныя измены и даже разврат были и в мое время одинаковы с нынешними. Не знаю; много-ли в настоящее время лучшаго противу прежняго; знаю только то, что и прежде, как нынче, молодые мужчины нередко соблазняли молодых женщин, а девушки и женщины, в свою очередь, покидали для любовников родителей и мужей. Я никогда не была строгой моралисткой, а потому не выдаю своих советов за непреложные: если они вам не понравятся, то почтите их названием пустой старушечьей болтовни, но только не сердитесь.

Старушка.

* Впрочем, я даю в этом рассказе советы собственно женщинам, будучи сама женщиною; мужчинам-же делаю легкие намеки в роде советов: они властны, понять или не понять, принять или не принять их.

Глава первая.

НОВОБРАЧНАЯ.

Час назад она была еще невестою; теперь она сделалась женою, принадлежностью мужчины. Незвестность или, лучше сказать полу-известность* волнует грудь ея; дыхание спирается, глаза становятся влажными и блестящими... «Как я крепко зашнуровалась!» думает она...* Нет, это не от шнуровки, моя милая: грудь женщины резервуар страстей. Стоит приложить тебе руку к этому резервуару, чтоб убедиться в справедливости слов моих: кажется, вся кровь прилила к этому месту, так тверда грудь твоя; сердце то забьется сильно, сильно, то замрет, но так...сладко. После каждого замиранья сердца ты еще нежнее, еще с большею любовью смотришь на твоего молодого мужа; взор твой встречается с его взором — ты потупляешь глазки, тебе стыдно... не стыдись: в тебе действует влечение природы, рано или поздно ты должна подчиниться ея законам. Свадебный бал продолжается, гости весело танцуют; разгоряченные вином и пивом музыканты играют с большим одушевлением, но мужу твоему не до танцов: он делается беспокоен, даже угрюм. Ты подходишь к нему, спрашиваешь его: что с ним? и каким огненным взором он отвечает тебе, и как ты быстро поняла, что хотел он сказать: никого не нужно ему теперь, кроме тебя одной; в эту минуту все гости ему кажутся до-

* Редкая девица, находящаяся в этом положении, не знает, что ждет ее: нескромные намеки, полуизъяснения самого жениха, делающегося смелее и смелее с приближением решительной минуты; наставления старой родственницы, сперва темная, потом, более и более ясная, дают ей понятие, хотя и не полное, о том, что до того времени было для нея тайною. Я не говорю здесь о всезнающих заранее девицах, которые остаются невинными до брака, в буквальном значении слова, единственно из боязни родителей или родственников. *(Примечание автора.)*

кучливыми, музыка несносною, самый воздух удушливым, хотя он и стоит у открытого окна, из которого веет вечернею прохладой; в эту минуту он желает остаться с тобою наедине, в маленькой комнатке, вдали от людей; но для чего?... как ты вдруг покраснела, моя милая! Действительно здесь слишком жарко: лицо твое, просто, горит.

Гости начинают разъезжаться. При прощании, мужчины двусмысленно улыбаются, женщины пожимают тебе крепко руку и шепчут на ухо какие-то слова, которых ты, при всем напряженном внимании, разслышать не можешь.

Наконец все разъехались; удаляется на время и молодой супруг. Настает минута раздевания брачного наряда — церемония, исполняемая, по большей части, подружками невесты. Молодые принимаются за дело с поспешностью, девы не первой молодости медлят: одне предчувствуют, что скоро настанет и их черед; им хочется скорее увидеть их подружку женщиною, которая могла бы поруководить их кое в чем; другие почти утратили надежду на то, о чем столько мечтали в юных летах, и досадуют, что не им назначен завидный жребий быть супругой и матерью, то есть выполнить назначение женщины, по закону, предписанному самою природою.

Вот и подружки покидают молодую, пожелав ей спокойной ночи; является старая родственница, но ея посредство почти лишнее: что может сказать, что может объяснить она прямо без обиняков, а обиняки в это время нейдут к делу... вся ея услуга состоит в том, что она окончательно раздевает молодую, и кладет ее в постель в спальном платье. Молодая трепещет; ей делается чрезвычайно страшно чего-то; она удерживает родственницу, умоляет ее помедлить еще минутку, две, но та вырывается и убегает.

После того проходит один миг, но этот миг кажется для нея длиннее вечности. Скрипнула дверь — она закрывает глазки, предчувствуя, что кроме мужа, другого нескромного посетителя быть не может... Вдруг она очутилась в его объятиях, на коленях у него; он страстно целует лицо ея, руки, шею, грудь... клянется вечно любить ее, быть ей вечно верным, даже не смотреть ни на какую женщину, кроме ея

одной... О как важна эта минута для всей будущей жизни! Как осторожно должна вести себя молодая супруга!

Эта книжка не предназначена для девиц-невест, потому, что подобныя настоящему смелыя разсуждения касательно собственной нашей природы, признаются чуть не безнравственными; но если-бы книжка моя нечаянно попала в руки девушки-невесты, я бы сказала ей: «Грешно притворяться, грешно играть роль перед тем человеком, который назначен тебе спутником на всю жизнь; но жизнь без расчета пагуба. Дурно кокетничать с посторонним мужчиною, но кокетство с человеком, который только назвал тебя своею, — расчет самый безстрашный. Будь стыдлива в ночь после брака, но не отталкивай его от себя этою стыдливостью. Прежде тебе придавали грацию модныя платья, теперь же ты осталась в том костюме, по снятии котораго останешься в одежде праматери Еввы, старайся же быть сколь можно более грациозною в этом костюме, столь незатейливом, не делай угловатых движений: оне будут замечены, потому что на тебе нет ни юбок, ни корсетов, многое прикрывающих. Робко отвечай на его поцелуи, но иногда внезапно целуй его сама, как-бы в порыве неудержимой нежности. Не отнимай от себя дерзкой руки, но тихо умоляй его, с видом совершенной невинности, пощадить тебя. Говори прерывающимся голосом, кажись совершенно утомленною, увядшею; тверди, что ты ничего не знала до тех пор, что ты боишься его, но что из любви готова всем для него жертвовать. И когда настанет минута этой жертвы, остерегайся выказывать удовольствие: показывать мужчине в это время, что ты разделяешь восторг его, значит отнять у самой себя право на его уважение в последствии. Делай так, чтобы он думал, что ты действительно жертвовала собою для его удовольствия, и он долго, долго будет помнить о блаженном часе. Все это относится до мужей порядочных. Но если судьба соединила тебя, к сожалению, с человеком совершенно чувственным, не знакомым с деликатностью манер и языка, поражавшим тебя безстыдными выходками в то время, когда ты была еще невестою, то не покидай женской грациозности, привлекательной для каждого мужчи-

ны, как-бы он груб ни был, но вместе с тем старайся казаться страстною женщиною, для которой, соединение с твоим мужем дает надежду на непрерывное наслаждение. Для такого человека малейшее сопротивление кажется обидою, удовлетворением же и предупреждением его желаний, даже настоятельным требованием исполнения супружеского долга, когда в нем видно уже пресыщение, ты приобретешь прочную привязанность, потому, что чувственный муж твой будет видеть в этом сильнейшее доказательство любви, и опасаясь еще более раздражить в тебе страсть, станет потом беречь тебя. — Наконец, если, к несчастью, тебе, бедняжка, суждено быть женою человека, которому можно присвоить название: *мужчина-рыба*, то удвой, утрой в эту ночь кокетство свое, старайся возбудить в нем желание, раздражить его, прячься от него, убеги, и если он будет умолять тебя на коленях, то только утром согласишься сделаться его женою вполне. Говори, что ты совершенно безстрастна, принимай просьбы его как-бы с отвращением, и поверь, что этою тактикою ты сделаешь из своего мужа-рыбы, по крайней мере, полумужа.»

Но я отвлеклась от предмета настоящего рассказа. Впрочем, рассказывать более не приходится или приходится мало.

Ночная лампа в спальне угасла; ни малейшего света; слышны только звуки поцелуев... и вдруг раздался легкий крик: то был голос новобрачной.

Глава вторая.

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ НОВОБРАЧНОЙ.

Ученый или ремесленник, чиновник или купец, во время медового месяца, обыкновенно, позабывают, чем они были прежде, и живут особенною жизнью, которая составляет для них, как для людей практических и положительных, только разнообразие в последовательности испытываемых удовольствий; но бедная, неопытная женщина твердо убеждается, что весь век ее будет одинаковым продолжением этого счастливейшего периода ее существования.

Редкая из женщин, даже из тех, которые, в ночь после брака, вели себя, по инстинкту, с необыкновенно очаровательным кокетством и с утонченнейшею хитростию, может поддерживать, в течение медового месяца, роль свою до конца. Страсть непрерывно удовлетворяемая, приводит новобрачную в ненормальное состояние: кровь сильнее и сильнее кипит в жилах. Молодая женщина из прежней скромной девушки становится пылкою любительницею неведомого дотоле наслаждения. Ей не стыдно его более, и она явно это показывает. Она предупреждает его желания, навязывается исполнить их без малейшего оттенка скромности. К чему ей корсеты, юбки? Она ходит в пеньюаре, который, при каждом движении, обрисовывает круглые ее формы и который очень нравится сначала молодому мужу, потому, что под пеньюаром нет этих проклятых помех — корсетов и юбок... но то-ли будет по истечении медового месяца?

Опишем два дни этого месяца, первый и последний: они вполне дают об нем понятие.

День первый. Новобрачная после незнакомых ей сладостных ощущений заснула очень поздно крепким сном, и во сне ей грезится то, что было на яву; но вот она чувствует какую-то тяжесть на груди, чувствует, что дыхание ее сперлось, — и мгновенно просыпается... то новые ласки, новые

выражения нежности ее молодого супруга, на которые она отвечает с совершенною готовностью.

Уже время за полдень, а счастливица все еще в постеле, и так сроднилась с ней, что хоть никогда-бы не вставать... Но кто это стукнул в дверь? верно слышалось?... нет, опять стук; удары делаются чаще и сильнее... Несносные! мешать в этот день!... слышится голос старой родственницы; она говорит, что пора вставать, что завтрак давно на столе... завтрак! она могла-бы обойтись и без него... но нет: она чувствует аппетит, какого у нея никогда не бывало, да и он не прочь от завтрака: ведь силы подкрепляет пища... Позавтракают, и опять время их до обеда... о какое блаженство!... она обвиняет шею мужа белыми ручками, и полузакрывши томные глазки, шепчет: «милый!...» Время летит... Стук в дверь возобновляется, старая родственница говорит сердитым голосом, что она стучится понапрасну полтора часа... правда! как быстро пролетело время! этого прежде не случалось.

Наскоро одевшись, выходят они в столовую, оба томные.

Под глазками у ней лазурь небес видна,
Взор влажен и глубок, походка неровна.

Опершись на плечо мужа, подходит она к находящимся в столовой родителям (если они есть у нея) или к родным. Они поздравляют ее, она краснеет... Ей несколько не стыдно теперь его, но их стыдно. Странное дело! как многое изменяется в жизни женщины с первой ночи брака!

Новобрачный с жаром благодарит родителей или родных за сокровище, каким они наделили его; он готов-бы тут же описать все сокровища прелести своей молодой жены, но взгляд тестя или родственника заставляет его молчать... и в самом деле этот энтузиазм несовсем приличен... немного вдали стоит его свояченица, девочка лет 15, она может слышать... положим, непоймет: ребенок! — но все таки неловко...

Так думает новобрачный, но я не разделяю мыслей его в этом отношении: если этот ребенок-девочка ничего не понимает, то от чего глядит она изподтишка на новобрачную чету с такою лукавою улыбкою; зачем она улуча удобную минуту, спрашивает потихоньку сестру с таким плутовским видом: «Здоровы-ли вы сестрица?... Вы как будто хромаете» — и тем заставляет бедняжку зардеться, как маков цвет. Иные девочки умны не по летам!

Сперва молодым как-то неловко нежничать пред родными, но одобрительные взоры последних ободряют любящую чету, и вот пошли чмокания, сначала редкия, а потом учащенные, вслед за тем — поцелуи с объятиями и наконец молодая нечаянно очутилась у молодого на коленях.

Старый родственник, при виде этого зрелища, взглядывает на свою пожилую жену, и глаза его делаются до того масляными, что жена вынуждена погрозить ему пальцем.

Забившись в уголок, сидит девочка-ребенок, за которую никто неследит; она также видит, что происходит: глазки ее сверкают, из полураскрытого ротика готовы вырваться какие то слова... кузен-ровесник ея в первый раз замечает, что кузина его прехорошенькая девочка, которую очень не дурно бы было поцеловать, и в груди его проявляется, в первый-же раз, какое-то приятное щекотание... Если-бы я была матерью этой девочки, то ни за что не оставила бы ее одну с этим невинным юношею, из опасения, чтобы он не сделался какнибудь виновным.

После обеда молодые тотчас отправляются на отдых, извиняясь пред родными усталостию после вчерашнего бала, и никто не думает осуждать их: в самом деле усталость требует отдохновения; но я полагаю, что вряд-ли отдохновение успокоит их, особенно, если оно будет продолжительным.

Я знаю по опыту, что в продолжение медового месяца новобрачные дозволяют себе излишество в удовольствии; а излишество ведет прямо к пресыщению. Конечно, для женщины, испытывающей это удовольствие впервые, оно не может прискучить так скоро, как мужчине, который до

брака уже изведаль наслаждения брачной жизни (исключения редки, почти невозможны); но это-то и бывает причиною многих бед в последствии. С одной стороны — насыщение, с другой, — неполное удовлетворенная жажда удовольствия составляют такую противоположность, в следствие которой возникают между супругами сперва легкия, а потом и серьезные ссоры. Конечно, ни тот, ни другая не решаются объяснитьсь откровенно, из чего они ссорятся, и каждый из них находит посторонния причины для придирки к другому; но тем не менее корень зла заключается в неблагоприятном пользовании предоставленным им естественным удовольствием.

В течении долговременной жизни моей, я часто встречала молодых женщин, слезно жалующихся на мужей своих, даже до истечения медового месяца, за то, что те не любят их так горячо, как в первые дни после свадьбы. Когда я спрашивала этих несчастных, начеи оне основывают слова свои, то оне отвечали, что оне в этом совершенно убедились; что оне это знают я видят. Более я не могла добиться от них ничего. Когда и сама я была не стара, какой-то ложный стыд удерживал меня говорить таким женщинам правду, хотя я и знала действительную причину их огорчения. В первый раз говорить истину пришлось мне старшей дочери, вышедшей замуж на 22-м году и обратившейся ко мне не с жалобами, а с намеками на холодность мужа, чрез две недели после свадьбы. Муж ея был человек холерического темперамента, значит ни в каком случае не мог быть холодным в том смысле, как понимала дочь моя. — «Милая Лотхен,» сказала я дочери, усадив ее возле себя: «скажи мне откровенно, из чего ты вообразила, что муж твой к тебе холоден. Сколько я вижу, он также нежно любит тебя, как и прежде; даже, на мои старые глаза, более; ласков к тебе, предупредителен... «—» Ах, Мутерхен, вы ничего не знаете,» прервала меня дочь. — «Положим», начала я снова, «не мое дело ввязываться во что нибудь между мужем и женою: третье лицо тут всегда лишнее; но я могу отгадать причину твоего неудовольствия, хотя ты твердо уверена, что это такая тайна, которой никак неможет открыть старая мать твоя...

Чтоб разуверить тебя, я скажу одно: я сама женщина, была замужем, имела такие-же страсти, как и ты. (Дочь моя покраснела; я продолжала, как будто незамечая этого) молодая женщины, только что вышедшая замуж, почти всегда прихотливы и требовательны: оне хотят, чтобы мужья их посвящали целые дни на то, для чего достаточно нескольких минут. Будем говорить прямо. При всей старости моей, я понимаю пылкость страсти; но надобно, чтобы и страсти были определены границы, особенно со стороны женщины; надобно, чтобы она поддерживала свое достоинство, а успеть в этом она может тогда только, когда не будет выказывать пред мужем на каждой минуте, что он необходим ей не потому, что она любит его, а потому, что... ты понимаешь меня. Проголодавшись, человек необходимо должен подкреплять себя пищею, но из этого не следует, что он должен быть обжорой: на обжору противно глядеть. Еще противнее для мужчины женщина, которая требует от него удовольствия, удовольствия и еще удовольствия. Вообще мужчины, по эгоизму, желают, чтобы женщины доставляли собственно им удовольствие; как же ты хочешь, чтобы мужчина был довольным, когда та, с которою он связан судьбою, доставляет ему не удовольствие, а, просто, делает наказание. Поставь себя на место мужа. Он имел до женитьбы несколько легких связей... Не делай знака отрицания. Знаю, муж сказал тебе, что первую любит тебя, и это правда; но тем не менее, он имел легкие связи, как и всякий мужчина. Что пленило его в тебе? Твоя привлекательная наружность, твоя скромность, твоя невинность. Ты нисколько не походила на женщин, которые были так легко доступны для него; не разрушай-же очарования, которыми ты привлекла его к себе: кажись и теперь тем, чем ты была в девушках. Кроме скромности и невинности, все остальное муж твой находил и в других женщинах; а так как он не принадлежит к числу людей, для которых животное удовольствие составляет первое благо, то берегись, чтоб вызываемая тобою холодность его не превратилась со временем в отвращение, если ты не будешь удерживать перед ним сама себя. Старайся, напротив, достигать видом скромности и невин-

ности того, что ты желаешь, — и ты не останешься в проигрыше. Со временем, когда страсти твои уймονται, ты сама увидишь, что я говорила правду.»

Дочь моя послушала меня, и до сих пор живет с мужем душа в душу.

Не так сделала новобрачная, историю которой пишу я. Перейдем к последнему дню ее медового месяца.

Последний день. Мы находимся в той-же спальне, в которой были прежде, но в ней нельзя узнать прежней миленькой комнаты: ко дню свадьбы она была убрана со вкусом, все в ней дышало порядком, теперь-же все пришло в хаос, и след вкуса пропал. По стульям разбросаны платья и пеньюары не первой свежести; стулья разставлены кое как; на потускневшем туалет опрокинуто несколько банок с помадою и флаконов с духами; там-же лежат гребни, гребенки и гребеночки, но не блестящие, как бывало, а грязные, гадкие... Фи! Молодая хозяйка изменилась не к лучшему: из опрятной девушки она сделалась женщиною-неряхою в какие нибудь тридцать дней. Юбки и корсеты ее запрятаны в шкаф, и надеваются тогда только, когда она отправляется с мужем в гости, а в гостях она бывала эти дни редко, всего два раза; остальное время она проводит дома, и не разоблачаясь из домашнего костюма, кажется мужу уже но такую хорошенькою куколкою, как прежде. Когда он намекнул ей об этом, она обиделась: сделавшись женщиною, она имеет право, кажется, допустить некоторую свободу в домашней своей жизни.

Бьет девять часов. Еще рано! Но куда же так торопится он? — хочет встать с постели, одеваться... и представьте! не глядит на нее. Это уж, просто, оскорбление.. «Куда ты?» — надо, моя милая поторопиться: дела!» отвечает тот, стараясь отделаться от нея одним поцелуем. Дела! прошу покорно! предпочитать дела жене? Это уж слишком... «Как здесь жарко!» вдруг восклицает она, заметив, что муж готовится уйти, — и раскинувшись на постели, нечаянно обнаруживает прелести, на которые сильно рассчитывает; но увы!... эта уловка не произвела желанного действия: муж смотрит в это время в другую сторону.

На глазках новобрачной показались слезы; она закусывает губы и проворно укутывается. Когда муж подходит к ней, чтоб проститься, он видит, что она надулась на него, но это уже не редкость... Покамест, впрочем, он приписывает это ребячеству, не постигая настоящей причины негодования дорогой половины. Да и как постигнуть? Чтобы женщина, которая в девушках была цветочком *не тронь меня*, могла входить в претензию на него из за того, что... *осязательныя* изъявления любви его сделались, по обыкновенному порядку вещей, реже, чем в первые дни медового месяца — он не поверит ни за что. Каприз ребенка — больше ничего!

Между тем молодая женщина не шутя разсердилась на мужа за неисполнение ея желаний, которые она привыкла считать самыми законными. Привычка к чему бы то ни было делается второю натурою, а там более привычка к сладострастию, которое я везде называла, во множественном числе, страстями, потому что оно заключает в себе зародыши всех страстей. Естественная потребность, от частаго и умереннаго удовлетворения ея, превратилась у нашей молодой в неестественную: бедняжка мечется на постели; ей действительно сделалось теперь чрезвычайно жарко; воображение не даст ей покоя... Встает она почти больная, не дотрогивается до приготовленнаго завтрака, и утешается мыслию, что авось муж, хоть по возвращении своем, будет к ней поласковее.

Он возвращается усталый после дневных трудов, голодный, и чрезмерно удивлен, увидев разстрепанную жену свою с опухшими от слез глазами... Хорошенькия женщины! не верьте тому, кто скажет вам, что даже в слезах вы хороши: нет ничего неприятнее, как опухшие от слез женские глаза. А если вы являетесь пред измученным занятиями мужем не только что плаксою, но в добавок еще неряхою, так уж пеняйте сами на себя, если он не слишком приветливо взглянет на вас.

Наш молодой муж немного поморщился, однако поцеловал жену (медовой месяц еще не прошел!), но она не находит в этом поцелуе ничего особеннаго, ничего утешитель-

наго, и на все вопросы мужа отвечает односложными словами: да и нет. Обед скучен: у него пропадает аппетит, смотря на нее, и он наконец начинает думать, что жена его больна: действительно, мало-ли каких болезней может проявиться у молодой женщины после брака.

Вдруг глаза его загораются, лицо оживилось, на устах показалась улыбка... «Неужели?» мыслит он: «что ж? это очень быть может: целый месяц прошел после нашего брака!» Вы недогадываетесь, что пришло в голову молодому человеку? — он вообразил, что чрез 8 месяцев будет иметь право назвать себя отцом.

Обрадованный этою мыслию, он привлекает к себе нерыху-жену, и нежно ласкает ее, называя уменьшительными и странными именами, какия только приходят ему в голову; но не этих ласк жаждет жена, которая, сверх того, никак не может понять намеков его на вероятное событие. Она с сердцем вырывается из его объятий и садится на постель; туфелька спадает с маленькой ея ножки; платье, приподнявшись, обнаруживает ея икры, твердые как камень и белые как алебастр.

Но он не видит ни ножки, ни икр, которые, бывало, целовал бесчисленное число раз: одна мысль занимает его. «Ты должна беречь себя теперь!» — говорит он наконец, снова подходя к жене.

Та не понимает основания этого предостережения, и толкуя его в другую сторону, отвечает сердито: «Скажите лучше, что я надоела вам!»

— «Да из чего-ж она беснуется?» думает он: «Ах! она не понимает своего положения.»

Долго продолжалось бы недоразумение, если-бы жена недогадалась осыпать мужа градом упреков за мнимую холодность. — «Каким ты мужем стал теперь?» говорит она: «Лег на постель, поласкал меня из милости, и уже спишь. Куда девался жар любви твоей? Бывало ты, как сумасшедший, не даешь мне покоя целую ночь, и я на это не жаловалась; теперь же нужды тебе нет, что я горю как в огне, что кровь кипит в моих жилах... Я молода, я страстная женщина, пойми это... Разбудил, разжег во мне страсть — ты, и дол-

жен удовлетворять ее; да, должен... это твоя обязанность!... Я вышла за тебя невинною девушкою; я не знала собственной своей природы, ты открыл мне ее тайну... Я читала и слыхала прежде, но только не постигала, что мужчины пресыщены удовольствием до брака, теперь же это для меня ясно: ты имел прежде любовниц, много любовниц, а я была для тебя новенькою игрушкою, которою ты играл сначала безпрестанно, как ребенок, и которую хочешь теперь забросить. Что будет дальше, если чрез месяц ты так изменился?... Но я имею свои права... я требую...»

Тут она замолчала, заметив, что слишком далеко зашла. По инстинкту, она догадалась, что откровенное признание такого рода не может увеличить любви к ней ее мужа; во было уже поздно: знак какого-то отвращения выразился на лице его, и когда она, испугавшись, бросилась к нему, он отвел ее руками от себя, и произнес только: «я не ожидал этого... ты была воплощенная невинность и скромность!» — вышел из спальни.

Вот что случилось в последний день медового месяца.

Глава третья.

ПОСЛЕ МЕДОВОГО МЕСЯЦА.

Проходит еще месяц, и все пошло обыкновенным порядком: молодая как будто примирилась с своим положением, а муж ее не заводит речи о прошлом. Мало по малу она превращается в самую хлопотливую хозяйку, и с утра до вечера возится на кухне, что, по моему мнению, также не годится. Я согласна, что домашние мелочные дела скорее всего изгоняют из головы сладострастные мысли; но молодая женщина должна умеренно предаваться этим делам, иначе она обрюзгнет и из прежней стройной нимфы превратится в неопрятную кухарку.

Муж хочет поцеловать у вас руку, но ваши руки провоняли луком; обнять вас, просто, страшно: того и гляди запачкаешься салом. Следствием этого бывает то, что муж перестает ласкать вас днем, да вряд будет ласкать, по прежнему, и ночью, потому, что дневные неприятные впечатления не изглаживаются у него из памяти.

Каждый из супругов считает себя в праве делать другому упреки, если не в слух, то про себя, только эти упреки не долго повторяются со стороны мужчины, потому, что он наконец наскучает постоянной мыслию о жене. В след за тем у него является страсть к развлечениям вне дома. Сперва эти развлечения весьма невинны, но потом он переходит от невинных развлечений к интрижкам. Ведь мужчина может делать все, что ему угодно*.

Разнообразие в удовольствии, разумеется, гораздо приятнее однообразия: сводя знакомство сегодня с одной, а завтра с другой женщиной, мужчина найдет, что жена его совсем не так хороша и умна, как казалось ему прежде, и что

* Не могу не прибавить здесь, что если-б каждый муж был поснисходительнее к жене и построже к самому себе, то не имел-бы причин жаловаться, в последствии, на дорогую свою половину.

посвятить себя на всю жизнь ей одной — жертва невозможная.

Возвращаясь домой поздно ночью он совсем перестает церемониться с женою, и преспокойно засыпает, отворачиваясь от нея*.

Грустно молодой женщине от невнимания к ней мужа, а между тем буря страстей, утихающая во время дневных забот, свирепеет в ней ночью, и не дает покою... но она не права!

Подумала ли эта женщина, что ему нельзя теперь быть настоящим мужем своей жены? что он только что вырвался из незаконных объятий? что завтра он должен посетить новую любовницу? что ему нет ни досуга, ни охоты заниматься скучною женою?

Таких мыслей не приходит в ее бедную женскую голову; она даже представить себе не может, чтоб муж когданибудь мог изменить ей... Да, она не права своим неведением!

По утру, проснувшись, муж встречает страстный взор жены, но этот взор производит на него почти неприятное впечатление. Он так давно привык к жениным глазам, к ее нежным взглядам! Притом-же он находит, что глаза его жены никак нельзя сравнивать с глазками Амалии, Эрнестины, Луизы и прочих прелестниц.

Увы! молодая женщина чувствует, что ей нечего ожидать от мужа, по крайней мере в этот день, и скрепив сердце, подавив вздох, она отправляется к обыденным своим занятиям.

А муж, меж тем, без малейшаго угрызения совести, летит в *страну очарованья*.

Но не он только принадлежит прелестнице! (Мужчины, которые имеют слабость связаться с такими женщинами, действительно делаются принадлежностью последних, со всеми правами нижайших рабов.) Из числа целой толпы обожателей, молодой муж застает у нея одного: этот один — его школьный товарищ.

* И как часто вы слишком дорого платите за это, Гг. мужья!

— «Ты как попал сюда?» — восклицает изумленный приходом его товарищ.

Молодой муж сперва конфузится, но потом, оправясь немного от овладевшего им смущения, оправдывает себя тем, что он сделал ошибку женившись, что он не создан для семейной жизни, что, сверх того, жена несходна с ним характером*.

— «Бедняжка!» — лицемерно произносит Лаиса, устремив на молодого мужа плутовские глаза.

— «Действительно, ты мне жалок,» — говорит товарищ, но ты нашел такую утешительницу, которая заставит тебя позабыть все семейные неудовольствия. Я уступаю тебе место: друзья соперниками в любви быть не должны, а права твои выше моих, потому, что ты связан женидьбою и терпиш горе, а я — нет.

И товарищ удаляется.

О дружба! дружба! скольких благородных действий ты причиной! каких высоких Стремлений ты виною! Принято не верить в женскую дружбу, и я совершенно с этим согласна: женщина женщине не уступит любовника из дружбы... но мужчины — властелины женщин — какая разница! они готовы для дружбы на всякую жертву, и клеветают те люди, которые говорят, что мужчина тогда только приносит жертву дружб, когда эта жертва ничего не стоит.

Лаиса позвала горничную, и приказала отказывать всем посетителям, потом, обратясь к молодому мужу, сказала: «Я живу тобой и для тебя одного, друг мой.»

И он поверил ей, этой продажной прелестнице! Страстно заключив ее в свои объятия, он повлек ее, как безумной, к роскошному канапе... пеньюар ее распахнулся, чудные формы обнаружили, и нечистые уста ответили притворно-нежными лобзаниями на жаркие поцелуи мужа- изменника.

* Мужчины всегда оправдывают себя таким образом. Но когда дело дойдет до обвинения жены в том, в чем вы были грешны, вы делаетесь судьями, непринимающими оправданий.

Сильный и раздражающий запах духов, которыми напыскалась прелестница; эластичность ложа; разсыпавшиеся по подушке локоны черных как смоль волос; полупрозрачность восхитительно сшитого пеньюара; смеющийся ротик с рядами беленьких зубов; лилейные ручки, украшенные золотыми браслетами и обвивающие кокетливо шею счастливец; крохотная ножка, обутая в шелковой чулок, сквозь который виднеется тело; полусвет будуара, изящно убранного; картины, изображающие целующихся и лежащих на травке пастухов и пастушек, — все это действует на молодого мужа обворожительно, и часы пролетают для него скорее секунд.

Видите-ли, молодые жены, как сильно действуют на мужчин утонченное кокетство и ловкая обстановка даже продажных женщин; для чего-же вы отказываетесь так скоро после брака от права кокетничать с вашими мужьями и употреблять невинные хитрости для сохранения любви их? Вы умеете только казаться страстными; но страстные женщины для них не редкость; к любви вашей они скоро привыкают, и вы тогда лишь успеете завладеть их сердцами вполне, когда станете являться пред ними со всею силою кокетства; когда сумеете разнообразить приемы этого кокетства, и когда перестанете надеяться на один титул жены, стараясь при этом, чтобы мужья видели в вас постоянно не жен, в простом значении слова, а женщин, ласки которых не расточаются на каждой минуте, и которые, при самом изъяснении доказательств любви, не позабывают употреблять данных им природою и искусством средств нравиться.

Наша молодая, напротив, считает кокетство преступлением, и полагает воротить утраченную любовь мужа тем, что делается доброю, домовитою хозяйкою... Какое заблуждение! добрые домовитые хозяйки нужны для мужей-стариков, для мужчин, страдающих ревматизмом, для подагриков, для параличных, для слепых, разслабленных и убогих, но отнюдь не для молодых людей, сохранивших все физические силы: последним нужны жены-кокетки.

Глава четвертая.

ДРУГ СТАРАЕТСЯ ДОКАЗАТЬ ДРУЖБУ.

В одно прекрасное утро, молодой муж собирается, по обыкновению, уйти из дому, не обращая внимания на грусть жены; в это время говорят ему, что к нему пришел NN (тот самый товарищ, о котором упоминалось в предыдущей статье). С самого дня свадьбы он не посещал дома молодых, и верно какой-нибудь чрезвычайный случай причиною его раннего визита.

Молодой муж, отправляясь в гостиную, советует жене, мимоходом, позаняться немного своим туалетом. — Товарищ, при вход молодого мужа в гостиную, бросается к нему, крепко жмет ему руку, извиняется, что так рано беспокоил его визитом.

— «Я был,» говорит он, «невдалеке отсюда по делам, и вспомнил, проходя мимо твоего дома, как давно не видал тебя. У меня сделалось как будто угрызение совести, и я явился к тебе без церемонии. Надеюсь, что ты меня не выгонишь? Впрочем, если тебе нужно отправиться куда-нибудь, — ты уже одет, как я вижу, — то отправляйся, не стесняй себя для меня; я буду терпеливо дожидаться возвращения твоего хоть до вечера: этот день я посвятил собственно тебе...» * Кстати, что интрижка?

Последние слова товарищ произнес шепотом.

Молодой муж оглядывается кругом, самодовольно улыбается, и отвечает также тихо, но как-то торжественно: «Интрижка? какая интрижка? Ах, да! вспомнил! после той у меня было несколько других: я люблю перемену!»

Товарищ называет молодого мужа шалуном, повесою, вторым Дон-Жуаном; но соглашается с ним, что его измены жене вещь весьма натуральная и несколько не предосуди-

* Остерегайтесь, мужья, таких друзей, особенно когда у вас есть хорошенькие жены и когда вы пред ними кругом виноваты.

тельная: да и в самом деле, где в наш век искать верных мужей, когда развелось столько неверных жен.

Разговор продолжается на тот же лад, но вот отворяется дверь, и входит молодая.

Как похорошела однако эта женщина в несколько минут! как чудесно обрамливают ее бледное личико густые каштановые волосы! как хороши ее немного впавшие, но тем не менее искрометные глазки! В ней не узнать теперь бывшую полужену, полукухарку. Вместо грязного будничного платья, на ней надет утренний шелковый капот, выказывающий как нельзя лучше прелестный стан; кушак крепко стянул ее, уже и без того тонкую талью; из под белых как снег юбок, выглядывает ножка (та самая, которую, бывало с жаром целовал вероломный муж), обутая в туфельку, украшенную розовыми бантиками. В ней не заметно ни малейшего принуждения в обращении; каждое слово говорит она так кстати, так мило; поступь ее легка, почти воздушна, движения грациозны; восхитительная улыбка часто появляется на устах; словом, эта женщина, погрязавшая в неряшестве и мелких домашних делах, в настоящий день переродилась.

Что же виною этого перерождения? Присутствие постороннего мужчины.

О молодые женщины! для чего вы делаете только для посторонних мужчин то, что должны, по обязанности, делать лишь для своих мужей*.

Наш молодой муж очень приятно поражен метаморфозою жены, и едва не остался дома; но встретив насмешливый взгляд товарища, ушел для того только, чтоб показать, что умеет выдержать характер.

Правду говорят, что мужчины тверды в своих намерениях, и что они непременно выполняют задуманное, во что бы то ни стало; напротив, женщина, которой пришла в

* Первое кокетство жены, в отношении к постороннему мужчине, есть шаг к преступлению. Замечайте это, мужья, замечайте строже и принимайте заблаговременные меры.

голову глупая мысль, отступилась бы от нея, еслиб только во время успела одуматься. Истинно, преслабое она создание!

Товарищу или другу только и надобно было, что-бы молодой муж ушел. Оставшись наедине с его женою, он начинает воспевать пред ней... но не любезности, а похвалы достойному супругу.

Облачко печали появляется на миг на челе молодой женщины, но она не желает, чтоб посторонний человек заметил то, что у нея на душе, и потому снова улыбается, снова делается веселою.

Так проходит время до обеда. Молодой муж, неожиданно возвратившийся ранее обыкновенного, удивляется, увидев, что жена его сидит за фортепиано, давным давно ею заброшенным.

— «Я не узнаю жены,» говорит он тихонько другу: «не тебе-ли я этим обязан?» — «Отчасти,» отвечает тот, с лукавою улыбкою*.

Самолюбие женщины, кто что ни говори, сильнее самолюбия мужчины, и это-то причиною того, что на женское сердце самая обыкновенная пошлая лесть производит большое впечатление.

Друг знает хорошо женское сердце, и потому, при втором визите, избирает лесть орудием... для доказательства мужской дружбы.

Визиты его, после этих двух, начинают учащаться. Не всегда попадал он во время. Присутствие мужа видимо стесняло его, а муж уже не так часто покидал супружеский кров как прежде; но чего не достигнет человек с тонким умом? — Друг умеет своими словами подзадорить молодого мужа и выпроводить его, не смотря на то, что последний становится день ото дня нежнее и ласковее с женою.

* Если дорожите своим спокойствием, властелины наши, то обращайтесь внимание на внезапные перемены в образе жизни ваших жен, и удаляйте из дому волшебников, появление которых произвело эти перемены.

А она занята постоянно гостем, предупредительные угождения которого удовлетворяют ее женскому тщеславию. Порой ей приходит даже в голову мысль, что друг ее мужа не равнодушен к ней, но чрез минуту потом она считает эту мысль нелепою. Впрочем, ей нет дела до настоящих чувств постоянного ее собеседника: у ней есть муж, который не заставляет ее нынче проводить мучительно-безпокойные ночи.

Так-ли станет думать она в последствии?

История обольщения честной замужней женщины весьма обыкновенна и немногосложна: сперва обольститель восхваляет безпримерного и любимого мужа, для отстранения от себя подозрения в коварстве; потом воскуривает фимиам уважения и глубокой преданности пред нею самою, для того, чтобы сблизиться с нею, и наконец когда всякое подозрение в коварстве отстранено, делает намеки на неверность некоторых мужей, для возбуждения любопытства, которым страдают все женщины, и которое губит их точно также, как погубило праматерь нашу Еву... переход от намеков о посторонних мужьях к ее собственному не так труден... и на последок она узнает истину.

— «Доказательства! мне нужны доказательства!» — восклицает она в слезах.

— «Я вам доставлю их,» говорит друг, и почтительно кланяясь, удаляется: он свое дело сделал.

В этот день муж встречает чрезвычайно сухой прием, по возвращении домой.

Глава пятая.

НАГРАДА ЗА ДРУЖБУ.

Доставленные другом доказательства ясны, неоспоримы! Вот письма его, в которых упомянуто даже ее имя, но с каким пренебрежением и насмешками!... Ей изменили, имя ее предали поруганию, и для кого, перед кем? Для продажных женщин, пред этими тварями!... какое оскорбление! какая жестокая обида! вот от чего он был так холоден!... «Я отмщу ему!» говорит она: «но как?»

В это время, как-бы угадывая ее мысли, является демон-искуситель, нарушитель семейного спокойствия; лицо его печально, на глазах видны следы слез, рука, которую, он подает молодой женщин, дрожит в ее руке.

— «Вы принимаете участие в моем горе?» говорит она грустно.

— «Можете-ли вы сомневаться в этом?» отвечает он с жаром; «я готов жизнь свою отдать, чтоб избавить вас от такого горя... но, к несчастью, прошлого воротить нельзя.»

— «Да, вы сказали правду: прошлого не воротить.»

— «Но кто может ручаться и за будущее?» продолжает вкрадчиво искуситель: «прошлые измены могут быть не последними.»

— «О я несчастная!» восклицает бедная женщина, закрыв лицо руками.

Молчание продолжается несколько минут, потом опять слышится голос искусителя: «К чему эти терзания? к чему мучить себя? это вам не поможет. Притом, по общественным понятиям, муж почти имеет право изменять жене.»

— «Имеет?! кто смеет сказать это!!»

— «Все говорят. Развращенное наше общество смотрит на это сквозь пальцы!»

— «А женщины? А жены? какая же у них права?»

— «Этого-то мне и надо!» думает искуситель, и раздражает более и более уже и без того полуиступленную женщину.

Я уже сказала, что самолюбие в женщинах чрезвычайно сильно; тот, кто умеет искусно задеть и подстрекнуть его, всегда успеет сделать из женщин и с женщинами все, что задумал.

Как! она, молодая, прекрасная женщина, не имеет никаких прав! она, которая может блистать в обществах, быть царицею на балах, должна перенести с терпением, молча, кровную обиду! Да что-ж она такое после этого? Безчувственная вещь?... нет, ей дала природа такие же страсти, как и мужчине; отчего же он может быть ей неверным, а она...

Дойдя до этой мысли, молодая женщина вздрагивает всем телом. Она невольно подчиняется минутному действию какой-то сладострастной мысли; но в след за тем, бледная от внутренней борьбы, возвышает гордое чело, как бы хотя сказать: «Нет, он не порадуется моему падению!»

— «Скверно!» думает друг-искуситель, который приобрел долговременную практикою искусство обольщать женщин, умеет прочитывать на их лицах сокровеннейшие мысли, и мастерски переменяет предмет разговора. Стараясь показать вид, что хочет развлечь ее, он начинает рассказывать сначала веселые анекдоты, содержание которых так невинно, что их мог-бы слушать ребенок; потом переходит к рассказам не много более свободным, а от них к историям безчисленных французских маркиз, которых все занятия заключались в одном слов: любовь.

Яд сладострастия заключается в этих рассказах; тонкою струею вошел он в сердце молодой женщины посредством слуха, и покрасневшее лицо ее не имеет более оттенка грусти.

Заметив это, друг ниспускается мало по малу до самого себя, и описывает свою минувшую жизнь; выдумывает небывалую любовь, от которой он чуть не умер, потому что ему изменили; говорит, что и после этой любви он мог-бы быть счастлив; что он встретил женщину-ангела, но она не свободна... Тут голос его прерывается; он стремительно целует руку молодой женщины, и отчаянно воскликнув: «Я не могу долее быть здесь!» — убегает*.

* Описанный мною процесс соблазна совершается, конечно, не в один и не в два дни, но более или менее верен с действительностию. Всякий

Опытная кокетка осталась-бы совершенно равнодушною после сцен, разыгранных *похитителем сердец и честности*, но можно-ли требовать того же от молоденькой женщины, которая только что начала жить, и в добавок, считает себя оскорбленною в любви мужем.

Она садится за фортепиано, хочет играть, петь; но пальцы ее не слушаются, голос не повинуется; садится за работу; и не в состоянии работать; заняться-же хозяйством ей, просто, противно. — «Я больна,» сказала она сама себе, и начала припоминать то, что говорил друг ее мужа*.

Мужа встречает она ни ласково, ни холодно. В минуту открытия измены, она готовилась осыпать его упреками при первом появлении; теперь-же мысль об этой измене не беспокоит ее более.

Находящиеся в таком положении женщины почти никогда не имеют матерей, которым могли-бы довериться, перед которыми имели-бы возможность выплакаться, и от которых всегда получили-бы добрый совет. Низкие светские бездельники, Ловеласы и Дон-Жуаны нашего времени, умеют пользоваться положением этих несчастных женщин.

Два дня проходят, а друг не является. В течение этих двух дней, возстановленная против мужа и увлекаемая пылкостью собственной страстной природы, молодая женщина впадает в ложное убеждение, что друг любит ее, и что она его любит.

Три дня еще проходит, а его все нет: она вполне убеждена, что любит его без памяти.

На шестой день он приходит, как нельзя более кстати: воображение молодой женщины настроено на его лад.

поймет, что честную женщину нельзя нравственно совратить с прямого пути в одну минуту.

* Оставить женщину действовать разгоряченным воображением на свободе, не мешая ей своим присутствием есть одна из хитрейших уловок опытных обольстителей.

Она бросается к нему, и вдруг останавливается, удерживаемая женским стыдом*; но он не дает ей пощады: прижав ее к сердцу (принято, что у каждого человека есть сердце, но я в этом сомневаюсь), он говорит ей дрожащим голосом: «О нескрывай от меня этого! не скрывай любви твоей! О если-б ты любила меня в сотую часть, как я люблю тебя!»

И первый преступный поцелуй был залогом преступной связи.

И долго шопотом говорили они, сидя друг возле друга.

— «Чего ты от меня требуешь?» — сказала она наконец, трепеща и довольно громко.

— «Вот любовь твоя!» произнес он с горечью.

— «Сжался надо мною!» повторяла несколько раз бедная женщина.

А он говорил ей: «Ты отдала недостойному мужу все, что только может отдать женщина: невинность... и он награждал тебя за это изменою... Чего-же я прошу у тебя? я, который всю жизнь готов отдать за тебя? я прошу одного доказательства любви, — и ты отказываешь!»

Бедная женщина не догадывается спросить его, чем-же он вознаградит ее за честь, которою она ему жертвует? Не вечными-ли угрызениями совести?

Слова замирают на устах ея; она с тоскою смотрит на него, как-бы вымаливая у него сожаление; но он неумолим, настойчив...

Под обаянием его взоров, она теряет совершенно рассудок; жертва с ее стороны кажется ей долгом, и она шепчет:

* Скажут, что этого в действительности быть не может; а я скажу, что разгоряченная лукавым обольстителем молодая женщина все равно, что больной горячкою. Молодые женщины! взвешивайте каждое слово посторонних мужчин, бывающих у вас в доме, и если начинаете чувствовать что кровь ваша, от неизвестной вам причины, закипела, уходите скорее от них. Если вы остаетесь, то вы уже обольщены нравственно, а за нравственным обольщением почти всегда следует физическое.

«Я приду к тебе вечером... но не здесь! не здесь!»

Назначенный час благоприятен для совершения преступления: муж уехал по делам, и воротится не ранее полуночи.

Накинув на плеча шаль, надев шляпку с темною вуалью, выходит она из супружеского дома, куда вошла в первый раз невинною и куда должна воротиться сегодня преступною.

Он живет в одной из отдаленных частей города, и занимает целый маленький домик. Во ожидании ея, он, развалившись на кушетке, курит сигару, и самодовольно улыбается, думая о своем успехе. Мягкие ковры разосланы по полу; мраморная группа обнявшихся Психеи и Амура бросает на стену приятную тень; бронзовая лампа освещает комнату колеблющимся светом, от чего тень на стене кажется движущеюся; на столике, под зеркалом, часы с группой Дианы и Эндимиона, дышащею негою любви; на шкапике, в углу комнаты, горит свеча, транспаран уменьшает яркость ея света, на транспаране сквозится картина, изображающая покоящуюся на зеленой мураве пастушку и наклонившагося к ней пастушка. Все здесь рассчитано; не забыто ни одной вещи, могущей служить орудием соблазна.

Дверь, ведущая на улицу, не заперта; лакей услан с поручением, ничто не задержит и никто, кроме его, не увидит ее.

Тонкой слух соблазнителя вскоре поражается шорохом платья: она пришла!

То действительно была она. Походка ея медленна, вуаль не поднят, руки судорожно сжаты на груди. Он подбегает к ней, поднимает вуаль, целует ея слезящиеся глазки, целует бледные щечки, целует ручки, разводя их, и почти насильно заставляя ее обнять себя ими... В объятиях его она едва не лишается чувств, но вскоре приходит в себя... Пояс ея капота откололся, шаль свалилась с плеч, из под прозрачной батистовой сорочки виднеется высокая, колеблющаяся грудь... пред нею стоит он, пламенный, неукротимый... в последний раз гений-хранитель ея внушает ей мысль защищаться... но рука ея не успевает удержать его руку... При-

косновение этой руки, скользящей по телу, соединяется вскоре с сладостным чувством; глаза ее тускнеют; она не видит ничего вокруг себя, и падая, забывает весь мир, и, трепеща, предается ему вся.

Знаменитый ученый Шюрмайер допускает, что ловкий соблазнитель может легко изнасиловать честную женщину, несогласавшуюся исполнить его желаний: посредством возбуждения чувственности и сладострастия манипуляциями и ласками, он доводит ее до того, что она уступает этим желаниям без всякого сопротивления; до какой-же степени может возбудить чувственность подобный соблазнитель в женщине, уверенной, что она его любит, и пришедшей к нему единственно для того, чтобы доказать свою любовь.

В нашей героине, после этого свидания, сладострастие дошло до изступления: оно заставляет ее, днем и ночью, в отсутствие мужа, посещать соблазнителя, пренебрегая опасностью быть встреченной и узнанной на дороге родными и знакомыми; она даже решается принимать его у себя, по ночам, когда муж спит, не боясь сплетень слуг. Она видит его глубокую безнравственность, его бездушие, но не в силах оторваться от него: над душою ее, над всеми благими помыслами ее одержало победу тело.

Глава шестая.

РАЗВЯЗКА.

Женщина, покидающая мужа или изменяющая ему для любовника, не только не может, но даже не хочет предвидеть развязки ее интриги.

А развязка эта всегда бывает печальною.

Патентованный обольститель женщин никогда не привязывается к одной из них, иначе он не мог бы называться мастером гнусного дела.

Мало того: он не бережет репутации соблазненной женщины, и хвастает каждою своею победою, не думая о последствиях.

В какая подлая руки ты отдала честь свою, моя бедная!

Связь продолжалась не много более месяца, а потом он бросил ее. Дверь его домика уже давно заперта для нея; а между тем дурные слухи растут.

Она больна, она страждет; с нею делаются какие-то странные припадки, которые проявлялись и прежде ее преступной связи, но не так часто.

Призванный доктор, по верным признакам, узнает причину ее болезни, и объявляет, что она беременна уже несколько месяцев.

Беременна! дитя, которое она носит над сердцем, есть законный плод ее супружества, и в то время, о Боже! когда она уже носила его, она решилась на ужасное преступление!

Как загладить это преступление? чем? не падет-ли на невинного ребенка наказание за грех ея?

Страшны теперь для нея каждая минута, каждый час, каждый день.

А распутившаяся молва доходит до многих ушей.

Не смеет она надеяться, не смеет молиться.

Буря страсти утихла, но она разбила ее сердце, сокрушила душу. Бедная грешница чувствует, что она потеряла право носить имя ея мужа.

Время летит, и ее час приближается. «Благодарение небу! по крайней мере, муж ничего не знает.»

Желает она порою смерти, как наказания, которое заслужила; но желает и жить для малютки, который скоро родится.

Не думает бедняжка одного, что рано или поздно безчестие жены делается известным мужу.

Она производит на свет прекрасного мальчика, но при виде его заливается горькими слезами, предчувствуя грядущую беду.

И беда не заставляет ждать себя. В один день, когда она только что встала с постели, слабая и изнуренная, в спальню входит муж. В глазах его есть что-то зловещее, черты искажены бешенством,

— «Безчестная женщина!» говорит он глухим голосом, подходя к ней.

Она поняла его, но не думает оправдываться, и падает пред ним на колени.

Сколько упреков, угроз, обид выносит несчастная! — но она не помышляет о себе, о своем будущем; у нея одна мысль — о сыне, и она лепечет едва внятно: «Но сын наш...»

— «Мой сын, безчестная!» кричит муж в изступлении: «он твой, он плод твоего преступления... Пусть будет проклято это изчадие греха!»

Она не ожидала этого; она не предвидела такого жестокого наказания! она склонилась на пол без чувств, и из груди ее вырвался громкий, пронзительный, болезненный стон; этот стон был предшественником смерти: она не открывала глаз на Божий свет, не испустила более ни одного вопля и бессознательно рассталась с жизнью.

Через три дня после этого, из под супружеского крова выносили простой деревянный гроб: провожатою за ним была какая-то старуха с грудным младенцем на руках.

Спустя пять лет, я посещала школу для бедных сирот, и увидела там бледного, исхудалаго мальчика, в каждой черте которого просвечивалось страдание: это был сын несчастной и преступной Фридерики Б... Отец, не считая его своим сыном, поместил его сюда тотчас после похорон жены. Бедному малютке незнакомы родительския ласки, и он увядает как цветок: преступление матери и проклятие отца тяготеют над его невинною головкой.

Конец.

АНЕКДОТЫ

I.

— Женщина-венец создания!» — воскликнул восторженный юноша.

— «Согласен!» сказал пожилой человек: но только часто случается, что у кого этот венец в руках, у того появляются на лбу рога.

II.

— «Какая самая трудная обязанность?» — спросили одного пожилого господина, имевшего неблагоразумие, незадолго пред тем, жениться на пылкой Итальянке.

— «Быть мужем моей жены,» отвечал бедняк со вздохом.

III.

— «От чего вы так часто меняете любовников?» — спросили львицу.

— «Потому, что они, как башмаки, скоро изнашиваются,» отвечала та.

IV.

— «Много-ли было у тебя любовников, скажи откровенно?» — спрашивал актрису муж ея.

— «С тех пор, как я вышла замуж за тебя, друг мой, я перестала вести счет им,» отвечала актриса.

V.

Актриса А... тщательно хранила письма, писанные к ней ее поклонниками, в разные времена жизни. Когда спросили ее, для чего бережет она эти раздушенные бумажки, из которых ни в одной не найдется ни ума, ни чувства, ни даже здравого смысла, она отвечала, что хранит их для того, чтобы помнить, что чем глупее любовник, тем щедрее, и чтобы, помня это, не влюбиться, под старость, в умного человека, который может обобрать у нея все то, что она нажила от дураков.

VI.

— Вы были долго замужем, имели пропасть любовников, и никогда муж не догадывался, что вы его обманываете. Как вы это делали?» — спрашивали одну отъявленную кокетку.

— «Очень просто,» отвечала она: «когда я возвращалась с любовного свидания, и муж спрашивал, где я была, я говорила, что у любовника; любовные письма я показывала ему издали, называя их любовными. Каждый раз после того, он целовал мою руку, и думая, что я шучу, не беспокоил меня ревностью. Я делала совершенно противное тому, что делают другие женщины: я не обманывала, а прикрывала обман истиною; вот в чем состояла вся моя ловкость.»

VII.

Жених и невеста посетили однажды картинную галерею.

— «Я не понимаю» сюжета этой картины, сказала невеста, указывая на картину, изображаемую жену Пентефрия,

почти нагую и удерживающую бегущаго от нея Иосифа за мантию.

— «Ей холодно,» отвечал жених, «и она упрасивает его, чтоб он согрел ее, а он, вообразите, отказывается.»

— «Какой-же злой этот молодой человек!» воскликнула наивная девушка: и ей, бедняжке, холодно, а ему дела до этого нет... вы никогда не будете поступать так со мной?»

— «Сделайтесь только моею женою,» возразил молодой человек, «и я буду согревать вас моею любовью до тех пор, пока вам не будет горячо.»

VIII.

В общество женщин легкаго поведения попалась как-то честная женщина. Разказы о безчисленных их победах возмущали ее, но когда она осмелилась заметить, что жить так, как живут оне, ей кажется несовместно с женским достоинством, на нее градом посыпались насмешки.

— «Иметь одного мужа, и быть ему верной!» — воскликнула одна.

— «Жить по голубиному, ворковать с одним голубком, глядть ему одному в глаза,» проговорила другая.

— «И так вы совершенно счастливы, живя по своему?» — спросила их честная женщина.

— «Вы, верныя мужьям женщины, имеете пред нами одно преимущество, которому мы завидуем», возразила та из львиц, которая была посерьезнее, «у вас есть дети, а у нас их никогда не бывает, или очень редко.»

— «Это и не удивительно,» сказала честная женщина: «на проезжей дороге трава не растет.»

IX.

— «Несмазаное колесо скрипит,» сказал кто-то.

— «Но не так резко, как недовольная мужем жена,» заметил один почтенный человек.

X.

Англичане известны своим флегматическим характером: они этим прославились.

Один из таких господ имел на содержании француженку-гризетку; раз он является к ней, и застаёт ее в расплах с другим любовником.

Гризетка была уличена вполне, и чрезвычайно обробела.

Англичанин, нисколько не разсердясь на измену, и сохраняя хладнокровие уходит, говоря гризетке: «Извини, моя милая, я пришел не во время: тебя, как я вижу, некогда; я ухожу, чтоб не мешать тебе, и зайду в другой раз, но только ты предупреди меня, когда тебе будет посвободнее.»

XI.

У одного небогатого человека пропали в одно время стенные часы и жена, и он говорил приятелям: «Жену-то мне совсем не жаль, а вот часов так очень жалко: часы, бывало, бьют, время знаешь, а как жена начнет бить, так не только что время, самого себя позабудешь.»

XII.

Семидесятилетний старик женился на восемнадцатилетней девушке, и когда его спрашивали, зачем он сделал такую глупость, то он отвечал: «я богат, она бедна, я стар, она молода; я имел в свое время, при богатстве, любовниц, она должна была иметь, от нужды, любовников; вспоминая, как

ничтожна покупаемая любовь, я не захотел, чтоб эта девушка сделалась продажною, и женился на ней.»

XIII.

— «Женщина все равно, что скрипка,» сказал один музыкант: «чтобы узнать какова скрипка, надо попробовать ее смычком; чтобы узнать, какова женщина, надо сделаться ее мужем или любовником.»

XIV.

— «Я нашел у тебя в туалете любовное письмо, оно лежало сверху», сказал строго муж жене: что ты на это скажешь?

— «Скажу, что когда женщина не прячет подальше от мужа любовных писем, значит она верна ему,» отвечала жена.

XV.

— «Женщина не считает себя изменницею до тех пор, пока ее измена не сделалась явною для всего света,» сказал один немецкий философ.

XVI.

— «Женщина, находящаяся в руках мужчины, успевшего возбудить в ней любовь к себе, все равно, что раскаленное железо в руках кузнеца: из нея он все может сделать,» говорил в обществе пожилой господин.

— «А когда любовь простынет, тогда что?» — спросил его молодой человек.

— «Она делается тверже железа и упрямее осла,» отвечал вопрошаемый.

XVII.

— «Когда муж может быть совершенно уверен, что жена ему не изменит?» — спросили опытного старика.

— «Когда она умрет,» отвечал тот.

XVIII.

— «В какой стране жена ни за что не изменит мужу?» — спросили того же старика.

— «На необитаемом острове, где, кроме ея и мужа, нет никого,» отвечал он.

ПРИМЕЧАНИЯ

Анонимная «Улика пылких женщин и горячих мужчин», как ни странно, благополучно прошла цензуру, получив разрешение 23 октября 1859 г., и была напечатана в типографии Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, очевидно, в последние месяцы того же года или в самом начале 1860 г. В литературе книжка практически не упоминается, но и по редким упоминаниям можно догадаться, что вскоре она обрела одиозный статус. Мельком упоминает о ней в своих «Воспоминаниях пропадающего человека» непутевый писатель и книготорговец Н. И. Свешников: «Издательская деятельность рыночных книгопродавцев основана, по большей части, не на знании потребностей и вкуса читающей публики, но на спекуляции; ей мы обязаны явлением “Жизнебудильников”, “Альбомов на память многим”, перепечатанным с карикатур старых годов журнала “Искры”; “Живой покойницы”, “Зефиротов”, “Правдой о мужчине и женщине”, “Уликами пылких женщин и горячих мужчин” и т. п. чепухи». Н. Я. Добролюбов, бичуя в 1860 г. в «Современнике» составленную Г. Н. Геннади книжку «Любовь: Эротические стихотворения русских поэтов», гневно восклицал: «По шарлатанству своему книжонка эта принадлежит к тому же роду, как “Правда о мужчине и женщине”, “Атака женских сердец”, “Улика пылких женщин” и пр. Но по наглости и тупоумию -- она превосходит их...» Впоследствии «Улика» стала библиографической редкостью; сегодня эта книга не значится в каталогах РГБ и РНБ.

Разбросанные по страницам «Улики» упоминания всевозможных «Лотхен», «мутерхен», «Эрнестин» и т. д. заставляют предположить, что книжка является переводом с неизвестного немецкого оригинала; не исключено, с другой стороны, что анонимный русский сочинитель намеренно замаскировал плод своего пера под перевод.

Книга публикуется по первоизданию с сохранением офрографии и пунктуации оригинала, за исключением устаревших Ъ, Ъ и І. В оформлении обложки использован анонимный французский эстамп сер. XIX в. «Брачная ночь».

ТЁМНЫЕ СПАСЕНИЯ

SALAMANDRA P.V.V.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.